

А. П. Сковородников
Красноярск, Россия

ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКЕ МЕДА (ОБ ОДНОЙ «ДЕТАЛИ» РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)

АННОТАЦИЯ. В статье проведен лингвоидеологический анализ романа Евгения Водолазкина «Лавр». Целью статьи является рассмотрение идеологической аксиологии в отношении такого объекта, как русский народ и его национальный характер. Материалом исследования служат текст романа Е. Водолазкина «Лавр», посвященные этому роману рецензии, а также научные исследования, в том числе по проблематике русского юродства, нашедшей отражение в этом романе. В результате проведенного исследования делается вывод, что в романе дана односторонне негативная характеристика нравов русского народа и осуществлена попытка десакультурации такого уникального явления русской религиозности и духовности, как юродство во Христе. Возникает противоречие между декларируемой Е. Водолазкиным позицией православного человека и текстом его романа. В частности, в романе юродивые используют матерную брань. Между тем, в различных источниках сообщается о внематерном поведении, в том числе речевом, русских юродивых, однако нет упоминаний об использовании ими матерной брани, считавшейся великим грехом. Русским людям в романе свойственна жестокость, подчас немотивированная. При этом в романе отсутствуют какие-либо добрые слова о русском народе и исключается исторический фон. В своей стилистике, переключаясь с постмодернистскими приемами иронизма и шоковой эстетики, автор выходит за границы этически допустимого. Отмечается, что такие черты романа в эпоху информационно-психологических войн способствуют укреплению русофобского настроя иностранных читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоидеологический анализ; русский народ; юродство; аксиологическая односторонность; гражданская позиция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: skapnat@mail.ru.

Введение

В 2012 г. вышел получивший широкую известность роман Евгения Водолазкина «Лавр». Действие романа происходит в XV веке. Главным героем романа является средневековый врач (точнее — врачеватель), про которого в аннотации сказано: «...обладая даром исцеления он, тем не менее, не может спасти свою возлюбленную и принимает решение пройти земной путь вместо нее. Так жизнь превращается в житие. Он выхаживает чумных и раненых, убогих и немощных, и чем больше жертвует собой, тем очевиднее крепнет его дар». Роман написан оригинальным стилем, в котором реализован принцип чередования элементов старославянского, древнерусского и современного русского языка, что в большинстве случаев не нарушает художественно-образительной органичности текста, но придает ему индивидуальное своеобразие. Роман обладает мастерски «закрученным» сюжетом и читается с интересом; в речи повествователя и речи персонажей можно найти немало глубоких мыслей философско-вневременного характера. Безусловно, роман «Лавр» написан талантливым человеком, хорошо знающим эпоху, в рамках которой разворачиваются события (Е. Г. Водолазкин — доктор филологических наук, специалист по русскому литературному средневековью). Вполне естественно, что роман снискал симпатии читателей и довольно много вполне заслуженных комплиментарных рецензий (см., например: [Басинский 2012; Балакин 2013; Биргер 2013; Вежлян 2013; Коробкова 2013; Морозова 2013; Тока-

рева 2013; barbakan 2014; Лученко 2014; Коноплев 2016; Новоселова 2016; Шуринова 2016]).

Однако все перечисленные авторы в своих рецензиях обходят стороной такой аспект романа, как аксиологическая тональность в изображении русского народа и его традиций, а между тем такая оценочная тональность в романе присутствует и проводится сквозь весь его текст. Сам по себе немаловажный для рассмотрения достоинств текста (поскольку всякое художественное произведение не лишено влияния мировоззрения и идеологии его автора), этот вопрос приобретает особую остроту, потому что Е. Водолазкин рассматривает свой роман не как рассказ о средневековых событиях и людях, а как совокупность размышлений о современности. В интервью Екатерине Петуховой писатель сообщает: «...Мы с моим редактором Еленой Шубиной придумали даже термин — „неисторический роман“. И поставили его в подзаголовок „Лавра“, чтобы читатели не искали того, чего там нет. Потому что это роман не об истории и не о XV веке. Он о нынешнем времени. <...> Прошлые времена используются лишь как зеркало, в которое мы, нынешние, смотримся и видим в нем наши особенности» [Петухова 2017].

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение идеологической аксиологии в отношении такого объекта, как русский народ и его национальный характер.

Материал и методы решения поставленной задачи

Материалом исследования служат, с од-

ной стороны, весь текст романа Е. Водолазкина «Лавр» (все ссылки на текст романа делаются по изданию: [Водолазкин 2014b]); с другой стороны, посвященные этому роману рецензии, а также научные исследования, в том числе по проблематике русского юродства, нашедшей отражение в этом романе.

В качестве инструмента исследования использован лингвоидеологический анализ текста. Этот анализ, проведенный А. А. Бернацкой при исследовании ряда художественных текстов (см.: [Лингвистика... 2017: 190—254]), «не оставляет сомнений в том, что художественная литература входит в число органических и незаменимых средств формирования и внедрения идеологических установок» [Бернацкая 2017: 129]. Причем, как отмечает этот и некоторые другие авторы, принципиально важной для лингвоидеологического исследования художественного текста является мысль о том, что иногда авторы этих текстов не отдают себе отчета в «идеологичности» своих речевых действий [Бернацкая 2017: 128; Рубцов, Любимова 2013: 6]. Более того, «настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь „актеры“, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6].

Определяется лингвоидеологический анализ разными авторами по-разному и с большей или меньшей полнотой. Так, например, А. А. Мирошниченко лингвоидеологическим анализом называет «анализ устойчивых отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности». Он пишет: «Исследователю достаются лишь формы языковой (словарь, система языка) или речевой (текст) фиксации процессов моделирования. Соответственно, непосредственным объектом ЛИ-анализа являются различные языковые явления. Специфика ЛИ-анализа в том, что любой знак или структурное отношение рассматривается как продукт не только **репрезентативной** (здесь и далее выделено автором цитируемого текста. — А. С.), но и **оценивающей** функции моделирующего субъекта. <...> Процедура ЛИ-анализа предполагает ответ на вопрос: как, каким образом, в каких языковых феноменах реализуется авторская модальность моделирующего субъекта. Рабочая цель ЛИ-анализа заключается в том, чтобы установить характерные для данной ЛИ-парадигмы **ценностно-языковые соответствия**. Генеральная цель состоит в том, чтобы описать, идентифицировать лингво-идеологическую парадигму субъекта» [Мирошниченко 1995].

По мнению М. В. Гавриловой, лингвоидеологический анализ предполагает рас-

смотрение таких аспектов дискурса, как «1) уровни, структуры, стратегии или шаги, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе; 2) дискурсивные доказательства взаимодействия различных идеологий. <...> Задача лингвиста состоит в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя политик...» [Гаврилова 2002: 97].

Н. А. Купина под лингвоидеологическим анализом текста, как следует из ее статьи, понимает исследование семантики ключевых слов идеологического содержания (идеологем), их сочетаемости в речевой ткани текста, что способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события [Купина 2015].

Разночтения в определении лингвоидеологического анализа отчасти объясняются тем, что аналитики имеют дело с типологически разными текстами (политически-публицистическими и художественными текстами), однако все в большей или меньшей степени предполагают выявление их (текстов) идеологической оценочности. С учетом вышеприведенных определений лингвоидеологического анализа, моей главной задачей будет вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста романа «Лавр», которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность характеристики русских людей. Эта задача предполагает также использование так называемого «критического дискурс-анализа», понимаемого как «критическое осмысление власти языка», позволяющее увидеть «„вживание“ в общественное сознание определенных представлений»; «выявить имплицитно выраженные установки» и «показать скрытые эффекты воздействия дискурса» [Гаврилова 2002: 92].

Исследование

Как же мы, русские, смотримся в историческом зеркале Е. Водолазкина? Начнем с частного вопроса — изображения юродивых XV в. Заметим, что феномену юродства на Руси посвящена обширная литература, в том числе диссертации (см., например: [Горобинская 2000; Янчевская 2004; Мотеюнай-те 2006; Ростова 2008; Мартиросян 2011]); монографии (см., например: [Федотов 1990; Иванов 1994; Ковалевский 2000; Иванов 2005]); многочисленные статьи (см., например: [Кологривов 1961; Панченко 1976; Клибанов 1992; Шувалов 1995; Ильин 1997; Панченко 1999; Хачатрян 2003; Тетерина 2004; Круглов 2010; Ребров 2010; Каплан 2012; Гаври-

лов 2013; Каллист <http> и др.]).

В этой литературе, со ссылками на средневековые источники, подробно рассказывается о вненормативном поведении, в том числе речевом, русских юродивых того времени. Описание типичного речевого поведения юродивых дано, например, в таком солидном источнике, как статья академика А. М. Панченко «Юродивые на Руси» [Панченко 1999]. А. М. Панченко отмечает: «Идеальный язык у юродивого — молчание. Однако безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения, и в этом еще одно противоречие юродства. Среди возложивших на себя вериги этого подвига были убежденные, упорные молчальники, но вообще это редкость. Обыкновенно юродивые как-то общаются со зрителем — по сугубо важным поводам, **обличая или порицая** (здесь и далее выделено мной. — А. С.). Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [Панченко 1999: 395]. А. М. Панченко отмечает, что сентенции юродивых имели «мистический характер пророчеств и угрозы», что их высказывания — это «одна из форм протеста в юродстве — осмеяние порока и зла...» [Там же: 396].

В романе Е. Водолазкина, кроме главного героя, жизнь которого, по сути дела, является житием святого с некоторыми элементами юродства, действуют два юродивых: Карп и Фома. Карп по поступкам и речи типичный молчальник, он произносит только свое имя. А вот другой юродивый, Фома, не типичен прежде всего потому, что его речь многословна (на его диалоги с главным героем опирается развитие сюжета). Кроме того, автор поручил ему роль резонера, изрекающего подчас философские мысли самого автора. Для нас важно отметить то, что юродивый Фома использует в своей речи матерную брань, считавшуюся и считающуюся великим грехом, так как, сквернословя, «мы погрешаем против одной из черт подобия Божьего в нас» (протоиерей Максим Козлов). Недаром «в Священном Писании говорится о том, что надо опасаться праздных слов. Так, в Послании к Ефесеям апостол Павел пишет: „Никакое гнилое слово не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святаго Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления“ (Еф. 4: 29—30)» [Почему сквернословие огромное зло? <http>]. То, что в устах юродивого выражение «ругаться миру» никак не могло быть связано с матерной бранью, можно понять, читая дореволюци-

онную православную учебную литературу. Например, в учебнике Г. С. Дебольского сказано, что для подвига юродивого «потребно великое *самоотвержение* (здесь и далее курсив автора цитируемого текста. — А. С.), чрезвычайное к себе *беспристрастие, терпение* <...> А вместе потребна и высокая мудрость, чтобы бесславию свое обращать в славу Божию; **в смешном ничего не допускать греховного, в неблагопристойном ничего соблазнительного, в обличении ничего несправедливого**» (выделено мной. — А. С.) [Дебольский 1887: 560].

А теперь в качестве иллюстрации речи Фомы приведу отрывок из длящегося на нескольких страницах его диалога с Арсением (одно из имен главного героя): *Юродивый Фома сложил руки на груди и смотрел на противоположный берег. Оттуда ему грозил кулаком юродивый Карп. Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы. Аще же ты зде единожды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнешь.*

Они принимают меня за юродивого, сказал Арсений Устине.

А за кого ж тебя еще принимать, удивился Фома. Посмотри на себя, Арсение. Ты и есть юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек уничиженное.

И он знает мое крестильное имя.

Фома засмеялся:

Как же его не знать, когда оно у каждого крещеного человека на лбу написано? <...>

Кто сей знающий тайны мои? Арсений повернулся к Фоме:

Ты кто?

Х...й в пальто, ответил Фома (с. 178—179).

Это не единственный случай, когда, кроме «обычного» сквернословия типа *говнюк, засранцы, сраный веник, сволочи*, как у черта в жопе, в речи Фомы «мелькают» и завуалированные матерки типа *Да не парься ты, ё-моё* (выделено мной. — А. С.).

Между тем многие исследователи жизни юродивых подчеркивают, что каждое их ненормативное действие, в том числе речевое, на проверку оказывается этически оправданным (многочисленные случаи такого ненормативного, но этически оправданного поведения юродивых описаны в литературе. См., например: [Фетодотов 1990: 199—209]). Именно этическая мотивированность демонстративно «отклоняющегося» поведения юродивых вызвала к ним уважение. «„Похабные“ и пророческие слова приравнялись к „гласу святых“, эпатажность жития юродивых сакрализировалась: некоторые стали местночтимыми угодниками Божи-

ми...» [Гаврилов 2013].

Совершенно очевидно, что в речевом поведении Фомы совместились автор-повествователь, идеолог-резонер и сквернослов-матерщинник. Типично постмодернистский прием, хотя автор и отрицает свою принадлежность к этому направлению мысли и эстетики, правда, отрицает неуверенно: «Те элементы средневековой поэтики, которые использованы в „Лавре“, и были описаны как постмодернистские приемы. **Это и так, и не так. Это действительно то, что перекликается с постмодернизмом и современной литературой, но я — не постмодернист, и пришел не оттуда** (выделено мной. — А. С.). Я пришел к этим приемам из Средневековья, с которым нынешняя эпоха перекликается» (сказано Е. Водолазким в интервью Ксении Лученко [Лученко 2014]). Получается, что «перекликается» сквернословием, в том числе матом, причем матом осовремененным.

В научной литературе, о которой говорилось выше, рассказывается о разных поступках юродивых, включая их высказывания, которые так или иначе нарушали принятые в то время нормы поведения, но нигде я не обнаружил указаний на то, что юродивые использовали матерную брань. Зато сообщается, что их шокирующее поведение всегда оказывалось этически мотивированным. В литературе о юродивых Христа ради говорится, что их поведение — это «особый вид христианского делания, особый христианский подвиг», «способ подражания Христу» [Каплан 2012], что, «подвергая атаке устоявшиеся формы общественного поведения или благочестия, юродивый обращает внимание на внутреннюю сущность, актуализирует забытое внутреннее содержание этих форм» [Ребров 2010], что «активная сторона юродства заключается в обязанности „ругаться миру“, обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия», что, «протестуя, юродивый выполняет обязанности обличителя и общественного заступника» [Панченко 1999]; что по внешним приметам «спектакль» юродивого «может быть похож на скоморошью представления, но по функции — на действие ветхозаветных пророков: „смеховая оболочка скрывает дидактические цели“» [Мотеюнайте 2006]. И сам Е. Водолазкин свидетельствует: «По выражению покойного Александра Михайловича Панченко, молчание — идеальный язык юродивого. <...> **Но уж если юродивый говорит, слово его имеет особый вес. Юродивый чем-то сродни библейскому пророку в умении предсказывать, но**

еще более — в обличении (очень важное качество пророка)» (выделено мной. — А. С.) [Водолазкин 2014a].

Так вот, все перечисленные здесь характеристики поведения и речи юродивых неприменимы к тем фрагментам романа Е. Водолазкина, где фигурирует матерная брань да и брань вообще. По-видимому, она использована как дань современным постмодернистским вкусам в духе и стиле таких авторов, как, например, Виктор Пелевин, Юз Алешковский, Владимир Сорокин. Разница здесь в том, что у этих авторов скабрёзности встречаются на каждом шагу, а у Е. Водолазкина представлены в небольшом количестве. В этой стилистике «проглядывают» такие черты постмодернизма, как иронизм, шоковая эстетика [Лексикон нонклассики... 2003: 353], смешение прекрасного и безобразного [Кононенко 2003: 324], или семантическая несовместимость [Ильин 1999: 239]; словом, признаки использования принципа нонселекции — «регулятивного принципа постмодернизма», который реализует себя в установке на культурный плюрализм и в ориентации на «презумпцию равновозможности и равного права на параллельное сосуществование в децентрализованном культурном пространстве различных и даже взаимоальтернативных культурных программ и стратегий» [Можейко 2001: 526—527]. Отметим также значительную роль в постмодернистском творчестве концепта и феномена игры, в том числе языковой игры [Жбанков 2001: 293]. Полагаю, что Е. Водолазкин допустил игру смыслами и значениями, т. е. языковую игру, применительно к сакральному, тем самым выйдя за границы этически допустимого. Так стилистика романа, возможно, против желания самого автора, способствует десакрализации сакрального. Об этой опасности постмодернистской игры пишет в конце своей статьи М. Р. Жбанков: «Произвол воображения, покинувшего четко обозначенные границы пространства И., порождает, наряду с другими проблемами, рискованные социальные эксперименты и одержимое мифотворчество» [Жбанков 2001: 293—294]. На возникновение игрового комического эффекта при изображении юродивых в романе «Лавр» обратили внимание некоторые рецензенты. Так, Евгения Коробкова пишет: «Водолазкин пошел на рискованный шаг, смешав древний житийный язык с современным молодежным слэнгом. Не стоит удивляться, когда юродивый Фома, изъясняющийся пассажами из Давидова Псалтиря, вдруг восклицает посреди полного здоровья: „да не парься ты, ё-моё“». И далее, цитируя лингвиста М. А. Кронгауза:

«Успех рискованного эксперимента по смещению языков кроется еще и в том, что его стилистическая игра оказывается связана с игрой содержательной» [Коробкова 2012]. А Н. С. Шуринова отмечает, что юродивый Фома объясняет пришедшему в Псков Арсению «принципы распределения территорий, напоминающие конвенцию, учрежденную детьми лейтенанта Шмидта в романе И. Ильфа и Е. Петрова „Золотой теленок“» [Шуринова 2016: 108]. Разумеется, в таких контекстах, в какие поставлен Фома в романе Е. Водолазкина, образ юродивого, как и юродства вообще, закономерно предстает как сниженный.

А теперь посмотрим, как в романе Е. Водолазкина изображены не юродивые, а обычные русские люди. Характеристики русских людей отдельными мазками обнаруживаются на протяжении всего романа. Например, в романе неоднократно возникает тема разбойников. Русские разбойники предельно жестоки: своих жертв они пытаются водой и каленым железом и убивают всех, кто только попадает в их руки. Причем они разбойничают не только в России, но и на территории других государств (Польши). В то же время оказывается, что в Италии тоже есть разбойники, но они никого не пытаются и не убивают, а взымают с проезжающих деньги. Причем с ними можно торговаться: *После всестороннего обсуждения была найдена приемлемая для всех сумма — пять дукатов с идущего в караване* (с. 303). Более того, по просьбе умирающего и раскаивающегося главаря итальянские разбойники возвращают деньги ограбленным паломникам, т. е. проявляют своего рода гуманизм.

Русским людям, не только разбойникам, свойственна жестокость, подчас немотивированная. Вот эпизод, с неясными художественными целями включенный в текст романа: *В Запсковье грязь. По дороге к дому ее месит иерей Иоанн. Жирное чавканье грязи он слышит у себя за спиной. Медленно оборачивается. Перед ним стоит человек с ножом, весь в грязи. Иерей Иоанн молча прижимает руку к груди. В голове его мелькает воспоминание о предвидении Арсения. В сердце его звучит молитва, которую он не успевает произнести. Человек наносит ему двадцать три ножевых удара. При каждом замахе он кричит и стонет от натуги. Иерей Иоанн остается лежать в грязи. Там же теряются следы человека. Говорят, что будто бы и человека не было, а был лишь всплеск грязи. Взметнувшийся за спиной иерея Иоанна и тут же растекшийся по дороге. Через малое время раздастся нечеловеческий крик. Он перелетает*

через реку Великую и реку Пскову, распространяясь над всем городом Псковом. Это кричит попадаья (с. 208—209).

А вот как заканчивается часть романа, названная «Книга отречения»: *Мягкой балетной походкой юродивый Карп подходит к калачнику Самсону и берет зубами ближайший калач. Сделав шаг от лотка, юродивый Карп оборачивается. Жалобно смотрит на Самсона. Самсон, не меняясь в лице, снимает лоток и бережно ставит на землю. Делает несколько шагов по направлению к юродивому Карпу. Ладная фигура калачника ломается. Рука его съезжает к голенищу сапога. Там блестящее, холодное и острое. Калачник подходит вплотную к Карпу. Карп вытягивается в струнку. Он выше калачника и ощущает его дыхание шеей. Нож медленно входит в тело юродивого. Силы небесные, шепчет калачник Самсон, сколько же я ждал этого дня* (с. 221—222).

Русские люди демонстрируют жестокосердие и неблагодарность. Спасенный Арсением замерзающий не пускает в свою избу погреться своего заколеченного спасителя, он, как сказано в романе, *с криком разбежался и двумя руками толкнул Арсения с крыльца. Когда Арсений пришел в себя, снова светила луна <...> При свете луны Арсений увидел очертания дальних домов. Покачиваясь, он пошел к ним. Дома были ветхими, и Арсений понял, что в них живут бедные люди. На его стук люди вышли с палками. Они сказали: „Иди и умри, юрودة, где бо от тебе несть нам спасения“.*

Не обнаружив в этих людях сострадания, Арсений покинул их (с. 202—203).

Автор романа не ограничивается подобными эпизодами, он поручает характеристику русских людей своему резонеру — юродивому Фоме. Приведу любопытный в этом отношении диалог Фомы и жителей Завеличья. В ответ на их утверждение, что *всякий на Руси знает, что юродивых бить, это самое, нельзя*, Фома громко рассмеялся:

Поясняя свою мысль, прибегну к парадоксу. Юродивых потому и бьют, что бить их нельзя. Известно ведь, что всякий бьющий юродивого — злодей.

А кто же еще, согласились завеличские.

То-то, сказал юродивый Фома. А русский человек благочестив. Он знает, что юродивый должен претерпеть страдание, и идет на грех, чтобы обеспечить ему это страдание. Кто-то же должен быть злодеем, а? Кто-то же должен быть способен побить или там, допустим, убить юродивого, как вы считаете?

Ну, это самое, заволновались завеличские. Бить — еще куда ни шло, но убивать — разве же это благочестие? Смертный, если можно так выразиться, грех.

Твою дивизию (здесь и далее выделено мной. — А. С.), в сердцах воскликнул юродивый Фома. Так ведь русский человек — он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще **он бесмыслен и беспощаден, и всякое дело может у него запросто обернуться смертным грехом. Тут ведь грань такая тонкая, что вам, сволочам, и не понять.**

Завеличские не знали, что ответить (с. 194).

Замечу попутно, что рассуждения юродивого Фомы, по-видимому, отражающие точку зрения автора, бездоказательны и демагогичны.

Негативная характеристика русских людей просматривается и в несобственно-авторской речи повествовательной части текста. Например, так описывается поведение корабельщиков: **Они не разговаривали даже тогда, когда, собравшись тесным кругом, по вечерам распивали какой-то мутный напиток. Ни Арсений, ни Амброджо не знали, что именно пили эти люди, только напиток не делал их веселее. Спины их становились еще более сутулыми. Сидящие напоминали большой непривлекательный цветок, который закрывается на ночное время. Изредка они начинали что-то вполголоса петь. Песни их были столь же безрадостны и мутны, как то, что они пили** (с. 264; выделено мной. — А. С.).

А вот какую картину видит Арсений, знакомясь с жизнью населения Пскова, которая, как сказано в романе, не вселяла в него отрады: **В домах Завеличья стоял дым, смешанный с паром. Там сушилась одежда и кипели щи. Там били детей, кричали на стариков и совокуплялись в общем для всех пространстве избы. Перед едой и сном молились. Иногда сваливались спать без молитвы — наработавшись до потери сил. Или напившись. Ноги в сапогах забрасывали на подложенную женами ветошь. Громко храпели. Вытирали текущие во сне слюны и отгоняли мух. Со звуком терки водили рукой по лицу. Матерно ругались. С треском портили воздух. Все это не просыпаясь** (с. 182).

И это говорится при отсутствии каких-либо добрых слов о русском народе и исключении исторического фона в романе. Между тем, по историческим источникам, Псков в то время был одним из крупнейших торговых и ремесленных городов страны. «Псковские каменщики, строители, иконописцы и колокольные литцы славились на

всю страну. В Псковской земле больше, чем где-либо в стране, выращивалось льна и конопли — важнейших технических культур, которые пользовались спросом на мировом рынке» [Мясников 2003: 123].

Действие романа происходит между 1440 и 1520 годами. В это время на Руси происходило много важных событий: родился будущий великий князь Иван III, «собиратель земли русской»; было открыто много крупных монастырей, вокруг которых создавались новые поселения; велась успешная борьба с татарами; произошло знаменитое «стояние на Угре», которое положило конец татарскому игу; Россия воевала с Литвой, Польшей, крымскими татарами, установила отношения с Италией, Швецией, Турцией, Персией; возникло казачество; велась активная концентрация русских земель, к Московскому княжеству были присоединены многие удельные княжества; положено начало освоению Сибири (осуществлен поход Семена Курбского и Петра Ушатова во главе четырехтысячной лыжной рати через «Камень» (Уральский хребет), покорена Югорская земля); написано сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране, о языках разных и иновидных» — первое сказание о народах Севера до Енисея с указанием их географического положения и этнографических особенностей; происходит путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Иран и Индию («Хождение за три моря»); составлена Белозерская уставная грамота — первый законодательный акт единого Русского государства; в Кремле построены новые соборы и Грановитая палата; Иван III принимает титул «Государя всея Руси»; осуществляется первая экспедиция на Печору для поиска руды; распространяются такие технические новшества, как часы, водяные и ручные мельницы, рычажные механизмы, приводимые в движение колесом, гончарный круг, токарные станки, весы; закончен первый полный перевод Библии на церковнославянский язык; жил и в это время скончался преподобный Нил Сорский — автор «Устава монастырского»; Филофей, старец псковского Елизарова мужского монастыря, в послании Василию III сформулировал теорию «Москва — третий Рим», в рамках которой описал историческое значение Москвы как всемирного политического и церковного центра [Мясников 2003: 123].

Местом действия в романе «Лавр» является Русский Север, точнее — земли около Кирилло-Белозерского монастыря, который был не только форпостом на севере страны, но и центром русской духовности. Вот какие факты приводит Е. А. Иванова в статье

«Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водозазкина „Лавр“» (даю выборочно).

Настоятель московского Симонова монастыря Кирилл (1337—1427), ученик Сергия Радонежского, уже будучи шестидесятилетним старцем, пришел на место, открытое ему Пресвятой Богородицей в видении, и пустынножительствовавший на Белом озере 30 лет до своей кончины. На этом месте вырос монастырь, который стал одной из трех великих крепостей, наряду с Троице-Сергиевой лаврой и Соловецким монастырем. Долгое время Кирилло-Белозерский монастырь являлся центром изучения живой святости. Монастырские старцы активно вмешивались в политическую и духовную жизнь страны. В XV—XVI вв. обитель считалась оплотом нестяжательства, в XVII веке монастырь называли «Северной лаврой». При монастыре выросла целая слобода — город Кириллов. В стенах обители была большая библиотека, работали известные духовные писатели: старец Ефросин, Пахомий Серб, резчики, иконописцы. Основатель живописной школы преподобный Дионисий Глушицкий устроил несколько монастырей на Русском Севере. Ему также принадлежат шедевры иконописи — «Успение Богоматери» и «Иоанн Предтеча в пустыне» и «Образ Кирилла Белозерского», созданный при жизни святого. Главный его храм, Успенский собор в Кириллове, был построен в 1497 году. Храмовую икону «Успение Богоматери», возможно, написал Андрей Рублев. Ферапонтов монастырь основал инок московского Симонова монастыря Ферапонт, пришедший вместе с Кириллом, учеником Сергия Радонежского, в 1397 году на Белозерье. Со временем Ферапонтов монастырь стал центром русской монастырской книжности, оплотом ортодоксального православия, местом пребывания и ссылок известных священнослужителей, ученых, знаменитостей (митрополит Спиридон, реформатор Никон и другие). Кроме этого, Ферапонтов монастырь знаменит своими уникальными росписями, фресками, иконами, выполненными Дионисием (1440—1502) и его сыновьями Феодосием и Владимиром. Все уникальные фрески интерьера собора выполнены в соответствии с особым державным стилем и ритмом, созданным Дионисием. Иконы Ферапонтова монастыря отличаются изысканной простотой и утонченностью живописи. Многие из них находятся в музеях Белозерска, Третьяковской галерее и в Русском музее. Фрески для собора Рождества Богородицы Дионисий выполнил незадолго до смерти. Это его песнь в красках, прославляющая добро и красоту и сим-

волизирующая расцвет культуры и искусства Руси в период утверждения ее могущества и формирования государственности (по [Иванова 2014: 67—70]).

Этот культурологический потенциал в романе не использован в соответствии с упомянутым замыслом «неисторического романа». И можно было бы не упрекать в этом автора, если бы все его читатели были в курсе того историко-культурного фона, о котором сказано выше. К сожалению, это не так, даже очень не так, если иметь в виду среднестатистического читателя. А поэтому, прочитав роман, такой читатель получит, во-первых, искаженное и десакрализованное представление о феномене русского юродства, а во-вторых, что еще хуже, в известной степени может быть инфицирован болезнью, именуемую «комплексом национальной неполноценности». Что же касается зарубежного читателя (роман переведен на многие языки), то он, в силу непрекращающейся уже несколько столетий антирусской и антирусской пропаганды, изображающей русских людей непредсказуемыми агрессивными варварами, получит дополнительные аргументы в пользу такого взгляда на русский народ. Таким аргументом, в частности, является и самый конец романа, когда при огромном стечении народа Лавра (последнее имя главного героя) хоронят согласно такому его завещанию: *Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам. Вот собственно все. <...> Это мое завещание, говорит Лавр. И его следует выполнить* (с. 433).

И завещание Лавра было с рыданиями и молитвой выполнено. Оказавшийся очевидцем этих похорон купец Зигфрид из Данцига говорит русскому купцу Аверкию: *Что вы за народ такой. Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же всю его жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку и тащите его, и обливаете слезами.*

Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, отвечает купец Аверкий. А так ничего в ней и не понял.

А сами вы ее понимаете, спрашивает Зигфрид.

Мы? Купец задумывается и смотрит на Зигфрида. Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем (с. 440—441).

Не удивляет недоумение Зигфрида, так как известно, что как «Иван-дурак, которому всегда суждена победа», не имеет аналогов в западноевропейском фольклоре, так «рав-

ным образом и юродивых не знал католический мир» [Панченко 1999: 396]. А вот последняя фраза романа, принадлежащая формально купцу Аверкию, не может не быть нагруженной идеей автора романа. Возникает вопрос: какой идеей? Об этом можно только гадать, в том числе предполагать в подтексте ироническое отношение автора к таким актам православной религиозности, как проявление фанатизма и «нецивилизованности». Хотя это противоречит суждениям самого Е. Водолазкина, который в интервью Марине Токаревой на вопрос «Что для вас самое важное в герое?» отвечает: «Может быть то, что этот человек стал чужим по отношению к самому себе, стал кем-то другим, и не однажды, а многожды. Юродство — чрезвычайно высокий подвиг, и вот почему. Отшельник уходит от мира для служения Богу, зачеркивает для себя мир, чтобы остаться с Богом. Юродивый же зачеркивает не только мир, он зачеркивает собственную личность, теряет ее, самоуничужается до крайних степеней» [Токарева 2013]. А выдающийся русский историк В. О. Ключевский отмечал, что «в таком смиреннии до самоуничужения Древняя Русь видела практическую разработку высокой заповеди о блаженстве нищих духом, которым принадлежит царствие божие» [Ключевский [http](http://)].

Между прочим, и смерть, и похороны героя романа имеют исторический аналог. Известный русский святой Нил Сорский, скончавшийся 7 апреля 1508 г., в своем предсмертном завещании ученикам просил «бросить его в пустыне — в пищу зверям — или закопать его в яму с презрением». Он писал: «Оно (тело. — А. С.) тяжко согрешило перед Богом и не достойно погребения», а затем добавил: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакой честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти» [Житие... [http](http://)]. По этому поводу Е. В. Романенко пишет: «Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина, выраженному в его завещании. Редкое, даже в среде монашества, „Завещание“ Нила Сорского (подобные примеры, кроме „Завещания“ Ефрема Сирина, можно найти только в древних житиях Арсения и Антония Великих) должно было произвести потрясающее впечатление на иноков Нилова скита. И в то же время оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа основателя монастыря — глубочайшее сознание своего недостойнства, которое особенно роднило его с личностью древнего святого — преподобного Ефрема» [Романенко [http](http://)].

Такому православному максимализму можно удивляться и даже изумляться, но вряд ли стоит над ним иронизировать. Тем более не следует давать повод к восприятию сакральных текстов в ироничном или пародийном ключе. Рассмотрим два фрагмента.

1. [Из описания смерти юродивого Фомы]: *...Проследив, чтобы все было записано, юродивый Фома закрыл глаза и умер. Затем он открыл на мгновение глаза и добавил:*

Постскриптум. Пусть Арсений имеет в виду, что его ждет монастырь аввы Кирилла. Все.

Сказав это, юродивый Фома умер окончательно (с. 357).

Этот эпизод не требует комментария.

2. *Фома подбежал к реке и попробовал воду большим пальцем ноги. Сокрушенно покачивая головой, он также ступил на воду. Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие.*

По воде они, стало быть, только ходят, сказали завеличские. А бегать пока еще не научились.

На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фомы, он с размаху ударил его по щеке. Звон оплеухи долетел по воде до стоявших на берегу.

Имеет право, развели руками завеличские. Это уже его территория (с. 195—196).

В научной литературе рассказывается о таком прецеденте: «Здесь (в Великом Новгороде. — А. С.) буйствовали в 14 веке Никола (Кочанов) и Федор, пародируя своими драками кровавые столкновения новгородских партий. Никола жил на Софийской стороне, Федор на Торговой. Они переругивались и перебрасывались через Волхов. Когда один из них пытался перейти реку по мосту, другой гнал его назад: „Не ходи на мою сторону, живи на своей“. Легенда прибавляет, что после таких боев блаженным случалось возвращаться не по мосту, а прямо по воде, яко посуху» [Федотов 1990: 203]. В появлении такой легенды нет ничего удивительного, ведь юродство воспринималось и почиталось как «способ подражания Христу». Однако неискушенный читатель, не зная вышеописанного прецедентного текста, соотнесет данный фрагмент (если вообще соотнесет с чем-либо) с евангельским рассказом о хождении Иисуса Христа по воде (Мф. 14: 25—33). В любом случае контекст цитируемого фрагмента романа организован таким образом, что воспринимается либо как ироничный, либо как пародийный.

Заключение

В качестве вывода скажу следующее. Я далек от мысли, что талантливое произведение писателя Евгения Водолазкина писалось с русофобскими намерениями. Однако необходимо учитывать ряд моментов.

1. Стилистические экивоки в духе постмодернизма в изображении юродивых способствуют десакрализации юродства как особо почитаемого явления в истории русского православия, что порождает противоречие между декларируемой Е. Водолазким позицией православного человека и текстом его романа.

2. Односторонне негативное изображение нравов русских людей второй половины XV — начала XVI в. при исключении позитивного исторического фона наводит читателя, не искушенного знанием истории и культуры своего Отечества, на неутешительные выводы относительно своей страны и своего народа, а иностранному читателю, недоброжелательно относящемуся к русским, дает аргумент для укрепления своего русофобского настроения.

3. Русскому писателю, стоящему на гражданских позициях ответственности за свое слово, не стоит забывать, что мы живем в эпоху информационно-психологических войн, ведущихся против России и русской цивилизации, а поэтому не следует давать повода использовать свое писательское слово против своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакин А. «Неисторический роман» о познании, отречении, пути и покое [Электронный ресурс] // Colta.ru: перезагрузка. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964#comments> (дата обращения: 05.01.2018).
2. Barbakan. Рецензии на книгу «Лавр» [Электронный ресурс] // Livelib.ru. 2014. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000679616-lavr-evgenij-vodolazkin> (дата обращения: 05.01.2018).
3. Басинский П. Священная тьма [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5945 (272). URL: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (дата обращения: 05.01.2018).
4. Бернацкая А. А. Роман В. Бенигсена «Чакра Фролова» в лингвоидеологической перспективе // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4. С. 126—154.
5. Биргер Л. Отечественный производитель святости. «Лавр» Евгения Водолазкина — роман о том, что хорошего досталось и осталось в нашей стране со времен средневековой Руси [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2013. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения: 05.01.2018).
6. Вежляя Е. Присвоение истории [Электронный ресурс] // Новый мир. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html (дата обращения: 05.01.2018).
7. Водолазкин Е. Г. О юродстве. Заметки на полях романа «Лавр» [Электронный ресурс] // PRM. 2014a. URL: http://priemerussia.ru/article_materials/329 (дата обращения: 05.01.2018).
8. Водолазкин Е. Г. Лавр : роман. — М. : АСТ, 2014b. 440 с.
9. Гаврилов В. В. Духовное и душевное здоровье на Руси: икона «Богоматерь Прибавление Ума» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электр. науч. журн. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 05.01.2018).
10. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпиричес-

ких политических исследований СПбГУ. — СПб. : СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88—108.

11. Горобинская Е. А. История и сущность политического юродства в России : дис. ... канд. полит. наук. — Екатеринбург, 2000. 138 с.
12. Дебольский Г. С. Дни Богослужения православной католической восточной церкви. Т. 1. — СПб. : Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1887. 664 с.
13. Жбанков М. Р. Игра // Постмодернизм : энцикл. — Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. С. 293—294.
14. Житие преподобного и богоносного отца нашего Нила Сорского [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/ (дата обращения: 08.01.2018).
15. Иванов С. А. Византийское юродство. — М. : Международные отношения, 1994. 236 с.
16. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. — М. : Языки славянских культур, 2005. 448 с.
17. Иванова Е. А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 66—71.
18. Ильин И. А. Свобода духа в России. Простецы по природе и юродивые во Христе // Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3. С. 77—106.
19. Ильин И. П. Нонселекция // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энцикл. справочник. — М. : Интрада — ИНИОН, 1999. С. 238—242.
20. Каллист У. Юродивый как пророк и апостол [Электронный ресурс] // Внутреннее Царство. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 (дата обращения: 05.01.2018).
21. Каплан В. Редкий подвиг, или Что такое юродство. Беседа с доктором филологических наук, профессором Владимиром Кириллиным [Электронный ресурс] // Фома. 2012. № 6 (110). URL: <https://foma.ru/redkij-podvig-ili-cto-takoe-yurodstvo.html> (дата обращения: 05.01.2018).
22. Клибанов А. И. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут. 1992. № 1. С. 46—63.
23. Ключевский В. О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm> (дата обращения: 08.01.2018).
24. Ковалевский Иоанн. Подвиг юродства. — М. : Лепта-Пресс, 2000. 384 с.
25. Кологривов Иоанн. Юродивые Христа ради [Электронный ресурс] // Очерки по истории русской святости. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1961. С. 239—250. URL: http://www.odinblago.ru/rus_sviat/ (дата обращения: 05.01.2018).
26. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече 2000 : АСТ, 2003. 512 с.
27. Коноплев Е. Евгений Водолазкин: слово держит мир [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/na-etape-rya-a-1/> (дата обращения: 05.01.2018).
28. Коробкова Е. «Большую книгу» получил «Лавр»: средневековый роман о средневековой России [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. URL: <https://goo.gl/GpbsrX> (дата обращения: 05.01.2018).
29. Круглов С. Христиане — безумцы «ради Христа»? [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/v-chem-xristiane-bezumcy-radi-xrista/> (дата обращения: 05.01.2018).
30. Купина Н. А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31—37.
31. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с.
32. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 1 / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
33. Лученко К. Евгений Водолазкин: человек в центре литературы [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.01.2018).
34. Мартиросян О. А. Юродство в русском литературном сознании : дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2011.

203 с.

35. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс]. — Ростов н/Д, 1995. 112 с. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (дата обращения: 23.01.2018).

36. Можейко М. А. Нон-селекции принцип // Пост-модернизм : энцикл. — Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2001. С. 526—527.

37. Морозова Т. Евгений Водолазкин. Лавр [Электронный ресурс] // Знамя. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2013/4/m18.html> (дата обращения: 05.01.2018).

38. Мотейунайте И. В. Восприятие юродства русской литературой XIX—XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук. — Великий Новгород, 2006. 330 с.

39. Мясников А. Л. Хроника человечества. Россия. — М. : Астрель : АСТ, 2003. 1200 с.

40. Новоселова П. И. Кризис духовно-нравственных основ человеческой жизни в романе Е. Водолазкина «Лавр»: проблемы поэтики [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Коммуникация. 2016. № 2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (дата обращения: 05.01.2018).

41. Панченко А. М. Древнерусское юродство // Смерховый мир Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — М. : Наука, 1976. С. 93—104.

42. Панченко А. М. Юродивые на Руси [Электронный ресурс] // Русская история и культура: работы разных лет / А. М. Панченко. — СПб. : Юна, 1999. С. 392—407. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html> (дата обращения: 05.01.2018).

43. Петухова Е. Евгений Водолазкин: «Кот Мусин был соавтором большинства моих работ» [Электронный ресурс] // Собака-СПб.ру. 2017. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29091> (дата обращения: 05.01.2018).

44. Почему сквернословие огромное зло? Ответы пастырей [Электронный ресурс] // Православие.ру. 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html> (дата обращения: 23.01.2018).

45. Ребров Д. Юродивые: святые дураки [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/svyatyte-duraki/> (дата обращения: 05.01.2018).

A. P. Skovorodnikov
Krasnoyarsk, Russia

A FLY IN THE OINTMENT (ABOUT ONE "DETAIL" OF THE NOVEL BY YEVGENY VODOLAZKIN «LAURUS»)

ABSTRACT. The article contains a linguistic ideological analysis of the novel by Vodolazkin «Laurus». The purpose of the article is to consider ideological axiology in relation to such object as the Russian people and their national character. The material of the study is the text of E. Vodolazkin's novel «Laurus», reviews that are devoted to this novel and scientific research, including on the problems of Russian holiness reflected in this novel. As a result of research author of the article comes to conclusion that the novel gives one-sided negative evaluation of the morals of Russian people. In the novel there is an attempt to devalue such a unique phenomenon of Russian religiosity and spirituality as a holiness in Christ. There is a contradiction between the position of the Orthodox man that declared by E. Vodolazkin and the text of his novel. In particular the holy people use obscene language in the novel. Meanwhile it is reported about abnormal behavior, including speech of the Russian holy people in various sources, but there is no mention of their using of abusive language, which was considered as a terrible sin. In the novel Russian people are characterized by cruelty, occasionally this cruelty is unmotivated. At the same time, in the novel there are no kind words about the Russian people and the historical background is excluded. The author goes beyond the boundaries of ethically permissible in stylistics. There is something in common with the postmodern methods of irony and shock aesthetics. It is noted that such features of the novel in the era of information psychological wars contribute to strengthening the russophobic attitude of foreign readers.

KEYWORDS: linguo-ideological analysis; Russian people; foolishness for Christ; axiological unilateralism; social stand.

ABOUT THE AUTHOR: Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor-consultant of Department of Russian Language, Literature and Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Balakin A. «Neistoricheskiy roman» o poznanii, otrechenii, puti i pokoe [Elektronnyy resurs] // Colta.ru: perezyadka. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964#comments> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
2. Barbakan. Retsenzii na knigu «Lavr» [Elektronnyy resurs] // Livelib.ru. 2014. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000679616-lavr-evgenij-vodolazkin> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
3. Basinskiy P. Svyashchennaya t'ma [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk. 2012. № 5945 (272). URL: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskiy.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
4. Bernatskaya A. A. Roman V. Benigsena «Chakra Frolova» v lingvoideologicheskoy perspektive // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 4. S. 126—154.

46. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/ByfMLe> (дата обращения: 08.01.2018).

47. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради : дис. ... канд. филос. наук. — М., 2008. 193 с.

48. Рубцов А. В., Любимова Т. Б. Идеология и процессы социальной модернизации. Введение. — М. : Academia, 2013. С. 5—10.

49. Тетерина Е. А. Юродство как феномен русской духовной культуры [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. 2004. № 3 (7). URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/teterina_ea_14_3_16.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

50. Токарева М. Известный писатель — о подвиге самоотречения, сходстве нашего времени со Средневековьем и своей неприязни к культу успеха [Электронный ресурс] // Новая газета. 2013. № 109. URL: <https://goo.gl/GzwtJ6> (дата обращения: 05.01.2018).

51. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня ; коммент. С. С. Бычкова. — М. : Моск. рабочий, 1990. 269 с.

52. Хачатрян Е. О явлении юродства в христианстве и исламе (социальный и политический аспекты) [Электронный ресурс] // Суфий : электрон. журн. 2003. URL: <https://goo.gl/rUqQ2> (дата обращения: 05.01.2018).

53. Шувалов А. В. Святые или больные? Юродство как психопатологический феномен // Независимый психологический журнал. 1995. № 1. С. 34—38.

54. Шуринова Н. С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 99—110.

55. Янчевская К. А. Юродство в русской литературе второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004. 195 с.

- Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektr. nauch. zhurn. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
10. Gavrilova M. V. Lingvisticheskiy analiz politicheskogo teksta // Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SpbGU. — Spb. : SPbGU, 2002. Vyp. 3. S. 88—108.
11. Gorobinskaya E. A. Istoriya i sushchnost' politicheskogo yurodstva v Rossii : dis. ... kand. polit. nauk. — Ekaterinburg, 2000. 138 s.
12. Debol'skiy G. S. Dni Bogoslužheniya pravoslavnoy kafolicheskoy vostochnoy tserkvi. T. 1. — SPb. : Izd. knigotorgovtsa I. L. Tuzova, 1887. 664 s.
13. Zhbakov M. R. Igra // Postmodernizm : entsikl. — Minsk : Interpresservis : Knizhnyy dom, 2001. S. 293—294.
14. Zhitie prepodobnogo i bogonosnogo ottsa nashego Nila Sorskogo [Elektronnyy resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/ (data obrashcheniya: 08.01.2018).
15. Ivanov S. A. Vizantiyskoe yurodstvo. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 236 s.
16. Ivanov S. A. Blazhennyye pokhaby: kul'turnaya istoriya yurodstva. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 448 s.
17. Ivanova E. A. Lingvokul'turologicheskiy potentsial romana E. Vodolazkina «Lavr» // Mir russkogo slova. 2014. № 3. S. 66—71.
18. Il'in I. A. Svoboda dukha v Rossii. Prostetsy po prirode i yurodivye vo Khriste // Sobr. soch. : v 10 t. / I. A. Il'in. — M. : Russkaya kniga, 1997. T. 6. Kn. 3. S. 77—106.
19. Il'in I. P. Nonseleksiya // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy : entsikl. spravochnik. — M. : Intrada — INION, 1999. S. 238—242.
20. Kallist U. Yurodivyy kak prorok i apostol [Elektronnyy resurs] // Vnutrennee Tsarstvo. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 (data obrashcheniya: 05.01.2018).
21. Kaplan V. Redkiy podvig, ili Chto takoe yurodstvo. Beseda s doktorom filologicheskikh nauk, professorom Vladimirom Kirilinyim [Elektronnyy resurs] // Foma. 2012. № 6 (110). URL: <https://foma.ru/redkiy-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
22. Klibanov A. I. Yurodstvo kak fenomen russkoy srednevekovoy kul'tury // Disput. 1992. № 1. S. 46—63.
23. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm> (data obrashcheniya: 08.01.2018).
24. Kovalevskiy Ioann. Podvig yurodstva. — M. : Lepta-Press, 2000. 384 s.
25. Kologrivov Ioann. Yurodivye Khrista radi [Elektronnyy resurs] // Ocherki po istorii russkoy svyatosti. — Bryussel' : Zhizn' s Bogom, 1961. S. 239—250. URL: http://www.odinblago.ru/rus_sviat/ (data obrashcheniya: 05.01.2018).
26. Kononenko B. I. Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii. — M. : Veche 2000 : AST, 2003. 512 s.
27. Konoplev E. Evgeniy Vodolazkin: slovo derzhit mir [Elektronnyy resurs] // Pravmir.ru. 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/na-etape-rama-1/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
28. Korobkova E. «Bol'shuyu knigu» poluchil «Lavr»: srednevekovyy roman o srednevekovoy Rossii [Elektronnyy resurs] // Vechnyya Moskva. 2013. URL: <https://goo.gl/GpbsrX> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
29. Kruglov S. Khristiane — bezumtsy «radi Khrista»? [Elektronnyy resurs] // Neskuchnyy sad. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/v-chem-khristiane-bezumcy-radi-xrista/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
30. Kupina N. A. Russkaya ideya v kontekste sovremennosti: «Besy» Dostoevskogo i aksiologicheskie suzheniya Berdyayeva // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 31—37.
31. Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka / pod. red. V. V. Bychkova. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. 607 s.
32. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1 / A. A. Bernatskaya, I. V. Evseeva, A. V. Kolmogorova [i dr.]; pod. red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 s.
33. Luchenko K. Evgeniy Vodolazkin: chelovek v tsentre literatury [Elektronnyy resurs] // Pravmir.ru. 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
34. Martirosyan O. A. Yurodstvo v russkom literaturnom soznanii : dis. ... kand. filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2011. 203 s.
35. Miroshnichenko A. A. Tolkovanie rechi. Osnovy lingvotseologicheskogo analiza [Elektronnyy resurs]. — Rostov n/D, 1995. 112 s. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (data obrashcheniya: 23.01.2018).
36. Mozheyko M. A. Non-selektii printsip // Postmodernizm : entsikl. — Minsk : Interpresservis : Knizhnyy dom, 2001. S. 526—527.
37. Morozova T. Evgeniy Vodolazkin. Lavr [Elektronnyy resurs] // Znamya. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamiya/2013/4/m18.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
38. Moteyunayte I. V. Vospriyatie yurodstva russkoy literatury XIX—XX vv. : dis. ... d-ra filol. nauk. — Velikiy Novgorod, 2006. 330 s.
39. Myasnikov A. L. Khronika chelovechestva. Rossiya. — M. : Astrel' : AST, 2003. 1200 s.
40. Novoselova P. I. Krizis dukhovno-nravstvennykh osnov chelovecheskoy zhizni v romane E. Vodolazkina «Lavr»: problemy poetiki [Elektronnyy resurs] // Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya. 2016. № 2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
41. Panchenko A. M. Drevnerusskoe yurodstvo // Smekhovoy mir Drevney Rusi / D. S. Likhachev, A. M. Panchenko. — M. : Nauka, 1976. S. 93—104.
42. Panchenko A. M. Yurodivye na Rusi [Elektronnyy resurs] // Russkaya istoriya i kul'tura: raboty raznykh let / A. M. Panchenko. — SPb. : Yuna, 1999. S. 392—407. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
43. Petukhova E. Evgeniy Vodolazkin: «Kot Musin byl soavtorom bol'shinstva moikh rabot» [Elektronnyy resurs] // Sobaka-Spb.ru. 2017. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29091> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
44. Pochemu skvernoslovie ogromnoe zlo? Otvety pastyrey [Elektronnyy resurs] // Pravoslavie.ru. 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html> (data obrashcheniya: 23.01.2018).
45. Rebrov D. Yurodivye: svyatye duraki [Elektronnyy resurs] // Neskuchnyy sad. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/svyatye-duraki/> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
46. Romanenko E. V. Nil Sorskii i traditsii russkogo monashestva [Elektronnyy resurs]. URL: <https://goo.gl/ByfMLe> (data obrashcheniya: 08.01.2018).
47. Rostova N. N. Chelovek obratnoy perspektivy: filosofsko-antropologicheskoe issledovanie fenomena yurodstva Khrista radi : dis. ... kand. filos. nauk. — M., 2008. 193 s.
48. Rubtsov A. V., Lyubimova T. B. Ideologiya i protsessy sotsial'noy modernizatsii. Vvedenie. — M. : Academia, 2013. S. 5—10.
49. Teterina E. A. Yurodstvo kak fenomen russkoy dukhovnoy kul'tury [Elektronnyy resurs] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo : elektron. nauch. zhurn. 2004. № 3 (7). URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/tete_rina_ea_14_3_16.pdf (data obrashcheniya: 05.01.2018).
50. Tokareva M. Izvestnyy pisatel' — o podvige samootrecheniya, skhodstve nashego vremeni so Srednevekov'em i svoey nepriyazni k kul'tu uspekha [Elektronnyy resurs] // Novaya gazeta. 2013. № 109. URL: <https://goo.gl/GzwtJ6> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
51. Fedotov G. P. Svyatye Drevney Rusi / predisl. D. S. Likhacheva i A. V. Menya ; komment. S. S. Bychkova. — M. : Mosk. rabochiy, 1990. 269 s.
52. Khachatryan E. O yavlenii yurodstva v khristianstve i islama (sotsial'nyy i politicheskii aspekty) [Elektronnyy resurs] // Sufiy : elektron. zhurn. 2003. URL: <https://goo.gl/rtUqQ2> (data obrashcheniya: 05.01.2018).
53. Shuvalov A. V. Svyatye ili bol'nye? Yurodstvo kak psikhopatologicheskii fenomen // Nezavisimyy psikhologicheskii zhurnal. 1995. № 1. S. 34—38.
54. Shurinova N. S. «Mertvyi yazyk» kak sredstvo voskresheniya sub'ektivnosti «drugogo» v romane E. G. Vodolazkina «Lavr» // Novoe proshloe. 2016. № 4. S. 99—110.
55. Yanchevskaya K. A. Yurodstvo v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. — Barnaul, 2004. 195 s.